

УДК 347.951.04

ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ СУДЕБНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ КРИТЕРИЕМ ЕГО ПРАВОМЕРНОСТИ

© 2014

Микелсоне Г.В., магистр филологии, магистр юриспруденции, докторант Юридического факультета Латвийского Университета, юрист бюро присяжных адвокатов «Центрс»
Латвийский Университет, Рига (Латвия)

Аннотация: В статье автор оппонирует преобладающей в правоведении точке зрения, что одним из критериев правомерности судебного постановления или решения и включённых в него юридически важных выводов (заключений) является вступление постановления или решения в силу. При помощи нескольких примеров из практики судов всеобщей юрисдикции Латвии автор доказывает, что вступившие в силу постановления и решения достаточно часто могут быть противоправными, а не имеющие силы (обжалованные, ещё не вступившие в силу или отменённые) постановления и решения – правомерными.

Ключевые слова: Судебное постановление и решение; юдикатура; источники права; вступление в силу судебного постановления (решения); правомерность судебного постановления (решения); правоведение; Европейский Суд по правам человека.

Одним из источников права, который рождается в процессе судебного разбирательства, иначе говоря, вместе с реализацией судебной власти и разрешением споров, является юдикатура. Её формируют все правовые юридически важные выводы (заключения), включённые в постановлениях и решениях судов и судей (далее – постановление суда; всё, что написано о постановлениях судов, относится и к решению судов и судей) и сформулированные судом, используя любой юридический метод, особенно результат интерпретации правовых норм и результат дальнейшего формирования права. Один или несколько таких выводов (заключений) можно именовать юдикатурой, как и соответственно выводом или выводами юдикатуры.

Большинство правоведов Латвии связывают юдикатуру с судебными постановлениями, вступившими в силу [см., напр., 1, с. 32; 2, с. 176]. Из сказанного ими вытекает, что только вступившее в силу постановление может быть правовым (т.е. достигшим справедливого результата – правильно разрешающим дело по существу или какой-либо процессуальный вопрос) и содержать правовые юридически важные выводы, или юдикатуру.

По мнению автора, эта точка зрения совершенно необоснованна! Результаты исследований постановлений судов всеобщей юрисдикции Латвии позволяют сделать вывод о том, что правомерность постановления и включённых в него выводов не зависит от вступления постановления в силу. Правомерным может быть не только вступившее в силу, но и не имеющее силы (обжалованное, ещё не вступившее в силу или отменённое) постановление, иначе говоря, не вступившее в силу постановление не всегда неправомерно. И наоборот – вступление в силу постановления, к сожалению, совсем не гарантирует его правомерность, то есть, не все вступившие в силу постановления правомерны, слишком часто они оцениваются как явно противоправные!

1. Противоправные постановления принимают и суды высшей инстанции

Существуют несколько причин того, что не вступив-

шее в силу постановление правомерно, а вступившее в силу – нет. В данной статье автор рассмотрит одну из них: оценивание постановления в суде высшей инстанции не всегда правильно, или правомерно, так как ошибочные постановления принимают суды всех инстанций, даже Сенат Верховного Суда Латвийской Республики (далее – Сенат), иногда одновременно отменяя правовые постановления. Один такой случай описан в постановлении Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Marina v. Latvia» от 26 октября 2010 года (см. пункты постановления 11, 12, 30–33) [3].

Кто же тогда устанавливает, является ли правовым постановление и включённые в него заключения?

1.1. Правомерность судебных постановлений оценивают правоведы

Это правоведы, которые анализируют судебные постановления. Вот примеры вступивших в силу судебных постановлений, которые признали противоправными не связанные с этими делами правоведы! Если постановление суда критикует лицо, связанное с соответствующим делом, то из этого автоматически не вытекает, что мнение необоснованно, но всё же большее доверие присуще оценке незаинтересованного человека, так как она более объективна, но не всегда более беспристрастна. Критики правоведов заслужили и признаны противоправными также несколько постановлений Сената Департамента Гражданских дел и Сената Департамента Административных дел, но ввиду специфики конференции и ограниченного объёма публикации в статье проанализированы только ошибочные постановления Сената Департамента Уголовных дел (далее – Сенат ДУД) и Судебной палаты Уголовных дел Верховного Суда Латвийской Республики (далее – Палата Уголовных дел).

1) Приговор Палаты Уголовных дел по делу № РАК-306 [4, с. 309–314] частично неправильно признала профессор Юридического факультета Латвийского Университета (далее – юр. фак. ЛУ), доктор юридических наук Валентия Лихолая. В комментариях к приговору

она указывает: Инесе Л. признана виновной и осуждена за недонесение, наверняка зная, что Виргиний М. совершил убийство из-за жадности наживы; так как Инесе Л. признала себя виновной в реализации вещей, приобретённых Виргинием М. преступным путём, и ей было инкриминировано ограбление пострадавшего Владимира Б. в группе с Виргинием М., то, сообщая о совершённом Виргинием М. убийстве и похищении вещей, Инесе Л. нужно было указать и свою роль в связи с совершением упомянутого преступления [5, с. 316]. Такая оценка приговора вытекает из заключения, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за недонесение о преступлении, с совершением которого оно было связано [5, с. 300].

2) Частично ошибочным Валентия Лихолая оценивает и приговор Палаты Уголовных дел по делу № РАК-231 [6, с. 264–273] от 6 июня 2001 года. В комментарии к приговору профессор пишет: Екатерина С. осуждена также за заранее не обещанное сокрытие следов особо тяжкого преступления; действия Екатерины С. можно оценивать как совершенное ею заранее не обещанное сокрытие следов особо тяжкого преступления, но в конкретном случае не обсуждался вопрос о том, что она сама была участницей преступного деяния, направленного против потерпевшего, так как вместе с Екатериной Г. украла принадлежащие потерпевшему и колледжу «Эврика» вещи, а также документы потерпевшего, которые были уничтожены, за что была осуждена на основании второй части статьи 175 и первой части статьи 274 [5, с. 274] Уголовного закона [7] (далее – УЗ). Такая оценка приговора основана на заключении, что лицо, являвшееся участником направленного против потерпевшего преступления, не может быть субъектом заранее не обещанного сокрытия [5, с. 253].

3) Решение Сената ДУД по делу № СКК-532/2009, 11810032207 [8] от 24 ноября 2009 года проанализировал прокурор Отдела по расследованию особо важных дел Департамента уголовных дел Генеральной прокуратуры, магистр юриспруденции Марис Лея в статье «Интерпретация норм уголовного права» и оценил его как лишь частично правовое [9]. По мнению прокурора, Сенат ДУД обоснованно сделал вывод, что добровольного отказа от приобретения огнестрельного оружия не произошло, но ошибочно признал, что подготовки к убийству по крайней мере двух лиц не было, так как обвиняемый не приобрёл огнестрельного оружия. Свою точку зрения Марис Лея аргументирует так:

«Ссылаясь на два источника юридической литературы, был сделан вывод, что под приискиванием орудия (инструмента) преступления следует понимать приобретение его виновным в использовании, владении или в собственности.

Эти аргументы ошибочны. В решении правильно цитируется распространённое в юридической литературе мнение. Тем не менее, сомнительно, следует ли считать это как исчерпывающее перечисление действий, характеризующих подготовку, в контексте с приобретением инструментов (средств) преступления.

В третьей части (третья часть статьи 15 УЗ «Законченное и незаконченное преступное деяние» гласит: «Под подготовкой к преступлению признаётся приискание средств или инструментов, или применение, или другое создание благоприятных обстоятельств для совершения умышленного преступления, если при этом преступление

не продолжено по независимым от воли виновного причинам. Уголовная ответственность наступает только за подготовку тяжких и особо тяжких преступлений») статьи 15 УЗ перечисление характерных подготовительных действий имеет только пояснительное значение. Фактически подготовку столь же хорошо можно считать умышленным созданием благоприятных обстоятельств для совершения преступления. Значит, любое действие, создающее благоприятные обстоятельства для совершения преступления, оценивается как подготовка к преступлению. Следовательно, даже тогда, когда под приискиванием инструмента (средства) понимался бы только конкретный результат, а не процесс как таковой, необходимо было оценить, не является ли процесс разыскания огнестрельного оружия умышленным созданием благоприятных обстоятельств для совершения преступления» [9, с. 6, 7].

Первая часть (первая часть статьи 30 УК Российской Федерации гласит: «Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам») статьи 30 Уголовного кодекса (далее – УК) Российской Федерации [10] очень похожа на третью часть статьи 15 УЗ Латвии, разница лишь в том, что в первую часть статьи 30 УК Российской Федерации включено более широкое перечисление характерных действий по подготовке к преступлению, и в соответствии с выводами юридической литературы России, подготовкой к преступлению считается любая умышленная деятельность, создающая желаемые виновным условия для реализации преступления, пишет Марис Лея [9, с. 7–8].

Дополнительно прокурор указывает, что полученный судом результат интерпретации рождает неравенство. Иное умышленное создание благоприятных обстоятельств для совершения преступления есть выполнение любых других действий с целью облегчить совершение преступления, прямо не упомянутых в тексте закона, например, предварительное обследование места преступления, вызывание и устранение возможных препятствий и т.п. Это означает, что аналогичные и даже менее опасные действия, по сравнению с теми, что суд констатировал по конкретному делу, должны быть квалифицированы как иное умышленное создание благоприятных обстоятельств, и наоборот, значительно более интенсивные и более опасные действия (процесс поиска оружия) могли бы оставаться уголовно не наказуемыми [9, с. 7].

1.2. Правомерность постановлений суда оценивает ЕСПЧ

Правомерность постановлений судов Латвии, и таких, которые уже вступили в силу, оценивает ЕСПЧ. Это происходит в том случае, когда какое-либо лицо подаёт туда иск против Латвии. Если ЕСПЧ признаёт хоть одно нарушение Европейской Конвенции по защите основных свобод и прав человека (далее – ЕК) [11], которое вытекает из какого-либо постановления суда Латвии, делается заключение о том, что оно противоправно, хотя и вступило в силу. Вот примеры!

1) В постановлении ЕСПЧ по делу «Mitkus v. Latvia» [12] от 2 октября 2012 года констатированы нарушения первой части статьи 6 (право на справедливый суд) и

первой части статьи 8 (право на неприкосновенность частной жизни) ЕК. Нарушение первой части статьи 6 ЕК создало то обстоятельство, что Андрис Миткус не был конвоирован на заседания Судебной палаты Гражданских дел Верховного суда Латвийской Республики (далее – Палата Гражданских дел), где были рассмотрены поданные им гражданские иски [см. 12, пункты 112–115]. Первая часть статьи 8 ЕК была нарушена потому, что государственная судебная власть не защитила право подателя иска на неприкосновенность частной жизни от вмешательства, которое создала неакцептированная публикация его личных данных в газете «Ригас Балс» [см. 12, пункты 126, 137].

Отвечают за эти нарушения суды Латвии, которые приняли надлежащие постановления, вступившие в силу, но признанные ЕСПЧ не отвечающими гарантируемым ЕК и юдикатурой ЕСПЧ стандартам прав человека, и, следовательно, противоправными. Речь идёт о постановлениях Палаты Гражданских дел и решениях распорядительного заседания Сената Департамента Гражданских дел по гражданским искам Андриса Миткуса против Центральной тюрьмы и издателя газеты «Ригас Балс» ООО «Медию Намс» [см. 12, пункты 31, 32, 34, 39, 44–48].

2) В постановлении Большой палаты ЕСПЧ по делу «X v. Latvia» от 26 ноября 2013 года сделано заключение: суды Латвии, принимая решения о том, что, согласно Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года (далее – Гаагская конвенция), ребёнок подательницы жалобы Х. должен быть возвращён отцу в Австралию, или страну его происхождения, не надлежащим образом приняли во внимание достаточно обоснованные утверждения Х., что возвращение ребёнка в Австралию создаст серьёзный риск благосостоянию ребёнка, поэтому эти решения не соответствуют процессуальным требованиям, вытекающим из 8 статьи ЕК. ЕСПЧ также указал, что различные инструменты международного права, в том числе ЕК и Гаагская конвенция, применимы во взаимосвязанном и согласованном виде и во всех делах, касающихся детей, национальным судам необходимо принимать решения, выдвигая в качестве приоритета наиболее благоприятные интересы ребёнка. [13, пункты 93–96, 110–117.]

Упомянутые в постановлении ЕСПЧ суды Латвии, принявшие 19 ноября 2008 года и 26 января 2009 года противоправные решения, – это соответственно Рижский городской суд Земгальского предместья и Судебная коллегия Гражданских дел Рижского окружного суда [см. 13, пункты 17–26].

Конечно, можно возразить, что ошибки иногда допускает и ЕСПЧ, – этот суд критиковали праведы разных стран [14, с. 300; 15, с. 241–242, 243–244; 16, с. 483–485]. Но все же, читая постановления ЕСПЧ, невозможно не заметить характерный для него стиль мышления, или философию правосудия: обстоятельства дела и применяемые в нем правовые нормы следует оценивать не формально, а по существу. Сам ЕСПЧ формулирует это так: ЕК предназначена для обеспечения не теоретических и иллюзорных, а практических (конкретных) и эффективных прав [см., напр., 17, пункт 58; 18, пункт 24]. Очень похожее понимание прав у Суда Европейского Союза – как указывается в правоведении, этот суд интерпретирует права так, чтобы они выполнили свою *effet utile*, то

есть цель, для которой они предназначены [19, с. 34, 35]. При таком образе мышления легко прийти к справедливому разрешению дела и правовому постановлению. В свою очередь при формальном же подходе, который характеризуется руководством буквой закона, а не духом, или «мышлением советского милиционера», трудно прийти к справедливому разрешению дела и правовому постановлению. Поэтому первейшей задачей, в особенности постсоциалистических стран, членов ЕК, является смена философии правосудия, а не совершенствование правового регулирования.

2. Долг суда соблюдать юдикатуру вытекает из принципов равноправия, справедливости и правовой определённости

Заключения, содержащиеся в ранее описанных судебных постановлениях, вступивших в силу, но противоправных, не принадлежат юдикатуре, поэтому не могут быть использованы в других делах в качестве источника права. Обоснование очень простое: долг суда соблюдать юдикатуру вытекает из принципа равноправия, а также из принципа справедливости и правовой определённости [1, с. 34], и эти принципы не могут быть использованы для оправдания противоправных действий и признания их правовыми только потому, что прежде так поступал кто-то другой, даже если это суд высшей инстанции государства, постановление которого окончательно и пересмотру не подлежит.

Судья Суда Европейского Союза, профессор Dr. h. c. Assessor jur., dipl. pol. Эгилс Левитс указал, что принцип равноправия не создаёт права на равное отношение, если сравниваемая ситуация противоправна; если один извлёк какую-то противоправную выгоду, то другой не может из принципа равноправия произвести себе право извлечь такую же противоправную выгоду, потому что правовая система направлена на то, чтобы ограничивать, а не распространять противоправные ситуации, даже если в отдельных случаях лицо, находящееся в сравниваемой ситуации, опираясь на принцип правового доверия, может оставить при себе извлечённую противоправную выгоду [20].

Юдикатурой административных судов Латвии при конкретизации принципа равноправия сделан вывод: у лица нет права ссылаться на принцип равноправия с целью оправдать дальнейшее использование противоправной практики [см., напр., 21, пункт 10]. Огромный вред всей правовой системе, и в особенности участникам дела – конкретным лицам, имеющим право на справедливый суд, – нанесён уже одним единственным противоправным постановлением, вступившим в силу. Причём этот вред увеличивается с каждым разом, когда противоправные заключения используются в других делах в качестве юдикатуры, так как за каждым постановлением стоит человеческая жизнь и судьба.

Как обосновать обязанность суда соблюдать юдикатуру, которая содержится в постановлении, которое не вступило в силу? Сначала необходимо предложить убедительные аргументы, почему эти заключения правомерны. Лучше всего здесь пригодится мнение авторитетных учёных, которое обычно изложено уже в самом постановлении. Если о правильности заключения спора не возникает, то его использование в рассматриваемом деле обосновано принципами правомерности, справедливости и равноправия. В отношении первых двух принципов не-

ясность не может возникнуть — сослаться на правильные заключения судебного постановления — как правомерно, так и справедливо. Но какая же здесь связь с равноправием? Самая прямая! Как уже упоминалось, юдикатурой административных судов при конкретизации принципа равноправия сделан вывод: лицу не дано права сослаться на принцип равноправия с целью оправдания дальнейшего использования противоправной практики. Значит, ни у кого нет права сослаться на принцип равноправия и для того, чтобы оправдать дальнейшее противоправное неиспользование правовой судебной практики (заключений).

Мнения о том, что юдикатура связуема с правовыми постановлениями, независимо от того, вступили ли они в силу, высказал и профессор юр. фак. ЛУ, доктор юридических наук Калвис Торганс. Следует иметь в виду, что могут существовать и необжалованные, но совершенно не обоснованные постановления, ссылка на таковые опасна и наиболее достоверно покажет, что вступление постановления в силу не всегда означает пополнение выводов юдикатуры, указал профессор [22]. Следовательно, можно согласиться с выводом Эгила Левитса, что к юдикатуре не относятся ошибочные заключения, но нельзя согласиться с мнениями тех учёных, которые утверждают, что понятие «юдикатура» связано только с судебными постановлениями, вступившими в силу [1, с. 32; 2, с. 176]. Эта точка зрения даже может нанести существенный вред всей правовой системе. В качестве примера можно привести следующую цитату: «Если бы вступило в силу постановленное судами обоих инстанций, формируя юдикатуру, перемещение акцизных товаров в режиме отложенного платежа акцизного налога практически было бы невозможно» [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Levits E. Юдикатура - основы, проблемы, применение // Латвийский Верховный суд Республики бюллетень. 2010. № 1.
- Sniedzīte G. Понятие, эволюция и значение судебного права в доктрине правовых источников в Латвии. Докторская диссертация Доступен: <https://luis.lu.lv/pls/pub/luj.fprnt?l=1&fn=F372913737/Ginta%20Sniedzite%202010.pdf> (обозрено 19.03.2014.).
- Постановление ЕСПЧ по делу 46040/07, Марина v. Латвия, 26 October 2010. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-101469> (обозрено 02.04.2014.).
- Постановление Палаты Уголовных дел по делу № РАК-306 от 15 августа 2001 года // Судебная практика по уголовным делам. Судебные постановления и решения и комментарии д-р юст. Валентии Лихолаи. Рига: Здание суда агентство, 2002.
- Судебная практика по уголовным делам. Судебные постановления и решения и комментарии д-р юст. Валентии Лихолаи. Рига: Здание суда агентство, 2002.
- Постановление Палаты Уголовных дел по делу № РАК-231 от 6 июня 2001 года // Судебная практика по уголовным делам. Судебные постановления и решения и комментарии д-р юст. Валентии Лихолаи. Рига: Здание суда агентство, 2002.
- Уголовный закон: закон ЛР // Латвийский журнал. 1998, 8 июля. № 199/200.
- Решение Сената ДУД по делу № SKK-532/2009, 11810032207 от 24 ноября 2009 года. Доступен: <http://at.gov.lv/files/uploads/files/archive/department2/2009/skk532.pdf> (обозрено 29.03.2014.).
- Leja M. Интерпретация уголовно правовых норм. Доступен: <http://www.lpbiedriba.lv/doc/Krimin%C4%81iti es%C4%ABunormuinterpret%C4%81cija.docx> (обозрено 04.04.2014.).
- Уголовный кодекс Российской Федерации: закон Российской Федерации от 13.06.1996, № 63-ФЗ. Доступен: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_7.html#p290 (обозрено 13.04.2014.).
- Европейская Конвенция по правам человека и защите основных свобод: международный договор ЛР // Латвийский журнал. — 1997, 13 июня. — № 143/144. Актуальная редакция на русском языке доступна: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (обозрено 13.04.2014.).
- Постановление ЕСПЧ по делу 7259/03, Mitkus v. Латвия, 2 Октября 2012. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-113648> (обозрено 01.02.2013.).
- Постановление ЕСПЧ по делу 27853/09, X v. Латвия, 26 Ноября 2013. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-138992> (обозрено 08.04.2014.).
- Анализ прав и свобод. Статья 6: Право на справедливое и публичное разбирательство дела. Grām.: Dijk P., Hoof G.J.H. Теория и практика Европейской конвенции по правам человека. Второе издание. Deventer — Boston: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1990.
- Foyer J. Судебная практика Европейского суда по правам человека. Grām.: Создание закона судьей. Tome 50. Paris: Dalloz, 2007.
- Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебное право. Москва: Проспект, 2008.
- Постановление ЕСПЧ по делу 13072/05, Rõman v. Finland, 29 Января 2013. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-115864> (обозрено 08.02.2013.).
- Постановление ЕСПЧ по делу 6289/73, Airey v. Ireland, 9 Октября 1979. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57420> (обозрено 08.02.2013.).
- Everling U. On the Judge-Made Law of the European Community's Courts. Judicial Review in European Union Law. O'Keefe D. & Bavasso A. (eds.). The Hague: Kluwer Law International, 2000.
- Levits E. О принципе правового равенства // Латвийский журнал. 2003, 8 мая. № 68.
- Постановление Сената Департамента Административных дел по делу № SKA-400/2007 от 8 октября 2007 года. Доступен: <http://at.gov.lv/lv/judikatura/judikaturas-nolemumu-arhivs/senata-administrativo-lietu-departaments/hronologiska-seciba/2007-hronologiska-seciba/> (обозрено 01.02.2014.).
- Torgāns K. Теория юдикатуры и применимая юдикатура // Название юрист. 2005, 13 декабря. № 47 (402).
- Cielava V. Когда для судей закон не писан // Название юрист. 2012, 7 августа. № 32 (731).

THE ENTRY INTO FORCE OF THE COURT'S JUDGMENT IS NOT THE CRITERION OF IT'S RIGHTFULNESS

© 2014

Mikelsone G.V., Master of Philology, Master of Law, doctoral student in the University of Latvia,
Faculty of Law, lawyer in the advocate office «Centrs»

University of Latvia, Riga (Latvia)

Annotation: In this article the author opposes to the dominant view in legal science that one of the criteria of rightfulness of court's judgment and decision and legally important statements, which are included in judgment or decision, is entry into force of this judgment or decision. With several examples of general jurisdiction's courts' practice the author proves that often courts' judgments and decisions, which are entried into force, are unlawful, but null and void judgments and decisions are rightful.

Keywords: Court's judgment and decision; case law; legal sources; entry into force of the court's judgment (decision); rightfulness of the court's judgment (decision); legal science; The European Court of Human Rights.

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ПРАВ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

© 2014

Насонова И.А., доктор юридических наук, профессор
Воронежский институт МВД России, Воронеж (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается ряд особенностей охраны прав лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Среди них: специфика правовой регламентации указанного вида деятельности; особая уголовно-процессуальная форма производства по данной категории дел, предусматривающей ряд дополнительных гарантий для охраны прав и законных интересов лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера и др.

Ключевые слова: лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, защитник, законный представитель, уголовно-процессуальная форма, гарантии, охрана прав, доказательства, совершенствование правовой регламентации.

Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве гарантирована законом и распространяется на всех лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, причем независимо от вида процессуальных действий, выполняемых в отношении их. По своей сути она является уголовно-процессуальной деятельностью, включающей в себя ряд направлений, а именно профилактическое (предупреждение нарушения прав и свобод), защитительное (восстановление нарушенных прав и свобод) и обеспечительное (создание условий для реализации предусмотренных законом прав и свобод) направления. Субъектами ее осуществления являются государственные органы и должностные лица (суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания), которые используют различные дозволенные законом процессуальные средства. Они представлены главным образом полномочиями указанных лиц, образованны-

ми из их прав и обязанностей. Арсенал процессуальных средств будет существенно отличаться в зависимости от того, какое должностное лицо осуществляет охранительную деятельность. Связано это с тем, что каждого из субъектов законодатель постарался наделить своими характерными только для него процессуальными возможностями, подчеркивающими специфику их роли в уголовном судопроизводстве. Так, только для прокурора свойственна возможность требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального закона; только для руководителя следственного органа характерна возможность отстранять следователя от дальнейшего производства расследования и т.д. Несмотря на это, проблема дублирования полномочий некоторых должностных лиц до конца не решена. Она остается актуальной и на сегодняшний день.

Объектом охранительной деятельности являются права и свободы человека и гражданина, иными слова-